

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Г12

Печатается с разрешения издательства Éditions Le Dilettante
и литературного агентства Anastasia Lester

Перевод с французского *Елены Клоковой*

Художественное оформление *Екатерины Фerez*

Гавальда, Анна.

Г12 Я ее любил. Я его любила : [роман] / Анна Гавальда ; [пер. с фр. Е. Клоковой]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 192 с. — (Лучше, чем жизнь).

ISBN 978-5-17-089075-0

Это страшное слово — измена... Кто из нас способен, познав ее горечь, достойно ее пережить? Однажды зимним утром молодая парижанка по имени Хлоя узнает, что горячо любимый муж Адриан уходит к другой. Свекор Пьер внезапно принимает решение увезти ее и двух маленьких внушек в семейный загородный дом, надеясь, что там они придут в себя и поймут, как жить дальше.

К чему может привести откровенность с отцом человека, который тебя бросил? История Пьера — история его собственной измены, спасенного брака и до сих пор живой и горькой любви — заставляет Хлою задуматься: может быть, ее дочери будут рады иметь более счастливого отца?

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Éditions Le Dilettante, Paris, 2002
© Клокова Е., перевод, 2006
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ISBN 978-5-17-089075-0

Посвящается Констанс

- Что ты сказал?
- Говорю, что немедленно их увезу. Им будет полезно ненадолго уехать...
- Но не сейчас же? – спросила моя свекровь.
- Прямо сейчас.
- Как? Ты же не собираешься...
- Именно что собираюсь.
- Да что все это значит, в конце-то концов? Сейчас почти одиннадцать! Пьер!..
- Сюзанна, я разговариваю с Хлоей. Хлоя, послушай меня: я хочу увезти вас подальше отсюда. Ты не против?
- ...
- Полагаешь, это неудачная идея?
- Не знаю.
- Иди собирай вещи. Мы уезжаем, как только ты будешь готова.
- Я не хочу возвращаться к себе.

- Ну и не надо. Разберемся на месте.
- Но вы не...
- Хлоя, Хлоя, пожалуйста, доверься мне.

Свекровь не сдавалась:

– Что за безумие? Не станете же вы будить малышей, в такое-то время! В доме не топлено! Там ничего нет! Туда нельзя везти детей! Они...

Он встал.

* * *

Марион спит на детском сиденье, держа пальчик во рту. Рядом с ней, свернувшись калачиком, спит Люси.

Я смотрю на свекра. Он сидит прямо. Его руки крепко держат руль. Он не произнес ни слова с тех пор, как мы выехали. Время от времени фары встречных машин высвечивают его профиль.

Мне кажется, он так же несчастен, как и я. А еще он очень устал. И разочарован.

Он чувствует мой взгляд:

— Почему не спишь? Ты должна поспать, слышишь? Тебе надо опустить спинку и постараться заснуть. Нам еще ехать и ехать...

— Не могу, — отвечаю я, — вас сторожу.

Он улыбается в ответ. Если *это* можно назвать улыбкой.

— Да нет... часовой сегодня я.

И мы возвращаемся каждый к своим мыслям. И я плачу, прикрыв лицо руками.

Мы остановились у заправки. Я пользуюсь его отсутствием, чтобы проверить со-
товый.

Ни одного сообщения.

Естественно.

Какая же я дура.

Дура...

Включаю радио и тут же выключаю.

Он возвращается.

— Будешь выходить? Хочешь чего-нибудь?

Я киваю.

Ошибаюсь кнопкой, стаканчик наполняется какой-то тошнотворной жижей, и я отправляю его в урну.

В магазинчике покупаю памперсы для Люси и зубную щетку для себя.

Он не трогается с места, пока я наконец не соглашаюсь опустить спинку сиденья.

* * *

Я открыла глаза, когда он заглушил двигатель.

— Не суетись. Побудь с малышками здесь, пока в машине еще тепло. Я пойду в дом, включу обогреватели в вашей спальне, а потом вернусь за вами.

Снова вопрошаю свой телефон.

В четыре-то утра...

Какая же я дура!

Не могу уснуть.

Вместе с детьми лежу в кровати бабушки Адриана. Кровать ужасно скрипит. Когда-то она была нашей.

Занимаясь любовью, мы изо всех сил старались ее не раскачивать.

Весь дом был в курсе, стоило нам только пошевелить рукой или ногой. Помню намеки Кристин за столом, когда мы спустились вниз в первое утро. Никогда не забуду, как мы краснели, не поднимая глаз от своих тарелок и держась за руки под столом.

Мы хорошо запомнили урок и с тех пор предавались любовным утехам тихо, как мышки.

Я знаю, что он вернется в эту кровать с другой женщиной и, когда их терпению придет конец, он так же, как некогда со мной, сдернет толстый матрас на пол.

Нас будит Марион. Она прогуливает свою куклу по одеялу, рассказывая ей сказку о сбежавших сосках. Люси трогает меня за ресницы: «У тебя глазки склеились».

Мы одеваемся под одеялами, потому что в комнате слишком холодно.

Стенания кровати девочек смешат.

Свекор разжег в кухне камин. Я вижу его в глубине сада — он набирает дрова из поленницы под навесом.

Мы впервые остались с ним вдвоем.

Я никогда не чувствовала себя уютно в его компании. Он слишком бесстрастный. Слишком молчаливый. Да еще все эти рассказы Адриана о том, как пристально следил за ним отец, каким он был жестким, непримиримым, как легко выходил из себя, как придирался к школьным отметкам.

То же самое и с Сюзанной. Я никогда не замечала какой-либо нежности в их отношениях. «Пьер сдержан, но я знаю, *что* он чувствует ко мне», — сказала мне однажды свекровь, — мы лутили фасоль и говорили о любви.

Я тогда кивала, но не понимала. Я не понимала этого человека, столь скупого на эмоции, подавлявшего все свои чувства. Постоянно держать себя в узде из страха показаться слабым — этого я никогда не могла понять! В моей семье обниматься и целоваться было так же естественно, как дышать.

Помню один бурный вечер на этой кухне... Моя невестка Кристин жаловалась на учителей своих детей: мол, все они некомпетентные и ограниченные. Потом разговор перешел на образование вообще и их с Адрианом в частности. Обстановка мгновенно накалилась. Кухня превратилась в судилище, Адриан и его сестра — в обвинителей, а на скамье подсудимых — их отец. Как тяжело все это было... нет, бомба так и не взорвалась, язвили в меру — так, воткнули друг в друга пару-тройку отравленных шпилек.

Как всегда.

Впрочем, скандала все равно не получилось бы — мой свекор наотрез отказывался выходить на ринг. Он выслушивал колкости своих детей, но никогда на них не отвечал. «Все ваши обвинения отскакивают от меня, как мячик от асфальта!» — так он всегда говорил с улыбкой и удалялся.

Правда, в тот раз спор вышел более желчным.

У меня в памяти стоит его искаженное лицо и руки, с такой силой сжимающие графин с водой, словно он хотел его раздавить.

Я пыталась представить себе, что бы он мог сказать в ответ, пыталась понять. Что он чувствует на самом деле? О чем он думает, оставаясь один? Что у него на душе?

Выдохшаяся Кристин повернулась ко мне:

— А ты что обо всем этом скажешь, Хлоя?

Я устала, и мне хотелось, чтобы вечер поскорее закончился. С меня хватило этих семейных разборок.

— Я... — задумчиво начала я, — я считаю, что Пьер словно и не живет среди нас, не